

СЦЕНЫ

за сценой

Фото Я. Халипа.

Открывается занавес. На сцене Московского Художественного театра начинается третье действие «Трех сестер». Вы видите комнату Ольги и Ирины. Налево и направо постели, загороженные ширмами. Третий час ночи, той тревожной ночи, на фоне которой развивается почти все действие спектакля. Сквозь отдаленный гул пожара слышен тревожный набат. Звук его то громче, то глуше, он как бы уносится и приносится ветром. Вот мимо окон проезжали конные вестовые, возвещающие звуками горня о приближении пожарных команд. Стремительно пронеслись, позвякивая колокольцами, конные пожарные обозы. Слышен цокот копыт по мощеному улице... В открытую дверь видно окно, красное от заката... Сейчас в комнату войдут Ольга и Анфиса, и действие начнется... Но фактически оно уже началось. Зритель уже многое увидел и услышал, хотя не было произнесено ни одного слова.

В своих воспоминаниях о Чехове Станиславский писал: «Среди всех его возлений об участии пьесы, он не мало беспокоился о том, как будет передан набат в третьем акте во время пожара за сценой. Ему хотелось образно представить нам звук дребезжащего провинциального колокола. При каждом удобном случае он подходил к кому-нибудь из нас в руках, ритмом, жестами старался выразить настроение этого надрывающего душу провинциального набата».

В глубине сцены, за кулисами, можно увидеть, как «играется» этот эпизод. Общий фон шума пожара создают два листа обыкновенного кровельного железа. Его легко аэрируют, и кажется, что издали доносится гул пожара. Набатный звон — это два колокола и гонг. Языки колоколов обернуты тканью, чтобы звук их был мягким, отдаленным. В закрытой комнате играет музыкант-трубач, рядом с ним исполнитель конского топота ударяет о лоточек двумя деревянными копытцами с металлическими шипами. Зритель еле слышит эти звуки; но вот дверь постепенно приоткрывается, и затем закрывается — и топот становится сильнее, создается полное впечатление, будто вестовой горнит галлопом приближается, проносится мимо и удаляется. Тут же актер вертит ручку барабана с брускочками и дощечками — этот прибор создает полное

представление о шумах пожарного обоза.

Творцом сценических шумов в театре является один из представителей старых мастеров МХАТа, народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии Владимир Александрович Попов.

За сценой можно увидеть десятки инструментов и приборов. Они воспроизводят шум листьев, возникающий от порыва ветра, колеблют при помощи вентилятора кисейный занавес у открытого окна, изображают грозу, дождь, капли которого падают на широкие листья. Есть тут приборы, позволяющие изобразить шторм на море, воспроизвести все звуки железнодорожной станции, от маневров поезда до сигнального рожка стрелочника, все шумы природы. Это — творчество Владимира Александровича.

В спектакле «Вишневый сад» в первом действии Любовь Андреевна Раневская после пятилетнего пребывания за границей возвращается в свое имение. Она с глубоким волнением воспринимает все окружающее. За окном раннее майское утро, виден в белом наряде цветущий вишневый сад, поют скворцы. Их ликующий хор особо подчеркивает душевное состояние Раневской.

Откуда же доносится голоса целой стаи скворцов? Их также воспроизводит один из специальных приборов. За сценой вращают деревянный валик прибора то вправо, то влево. Более глубокие и замедленные повороты с сильной прижимкой валика к оцинкованной держалке вызывают звуки, похожие на «чури-чув-чув-чу». От быстрого поворота валика получается: «чок-чок-чок-чок».

Если варьировать эти звуки, то создается полная имитация стаи слетающихся скворцов.

Репетируя пение скворцов и кукование кукушки в «Вишневом саду», Станиславский говорил актеру, работавшему на «скворце»:

— Вы должны рассказать мне с помощью своего свистка о своей первой любви, как вы ждали свидания, как волновались и замирали, когда видели свою любимую... Вы, — говорил он другому, кукувавшему на «кукушке», — вы потеряли ребенка — передайте в своем куковании грусть матери.

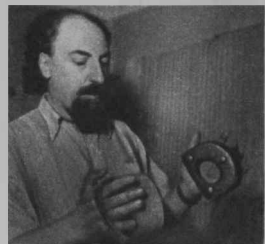
В книге о звуковом оформлении спектакля В. А. Попов вспоминает еще об одном случае имитации летящих птиц. Перед генеральными репетициями возобновляемого спектакля «Три сестры» у

В комнату ворвался шум «ветра» и первых капель «дождя».

Немировича-Данченко возникла мысль сопроводить криком журавлей слова Маши: «А уже летят перелетные птицы... Лебеди или гуси... Милые мои, счастливые мои...» Звукового эффекта в первой постановке не было.

«Когда я показал результат своих поисков Владимиру Ивановичу, — пишет В. А. Попов, — он сказал, что это очень хорошие звуки, а главное, это Чехов. Из зрительного зала казалось, что звуки несутся с большой высоты: вначале возникает двукратное курлыканье вожака, ему откликается вся стая. Жалобные крики, удаляясь, постепенно замирают. Действительно, звуковая картина была очень поэтична и тагла в себе че-

Зачемали «юпыта».

ховскую тоску. А в дальнейшем, в соединении со словами Машин звук этот стал органически необходимым».

Для «журавлиного крика» В. А. Попов сконструировал оригинальные гудочки. На высоте десяти метров от сцены в специальной комнате работают несколько исполнителей. Курлыканье начинается один из них — «вожак». Примерно в середине второго крика «вожак» к нему присоединяются еще два исполнителя. Дверь помещения, в котором они находятся, медленно приоткрывается: «журавли» приближаются. Тут вступают еще два исполнителя. При таком построении звуков получается впечатление летящей и беспродолжно кричащей стаи птиц.

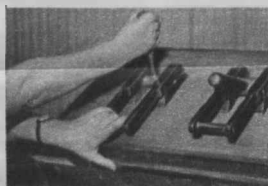
В современном театре спектакли невозможны без звукового оформления. Актёров звуковых эффектов зритель не видит. Но они тоже играют, помогая глубже раскрыть творческий замысел автора.

А. БОРИСОВ

Шумит «морской прибой».

венного кровельного железа. Его легко аэрируют, и кажется, что издали доносится гул пожара. Набатный звон — это два колокола и гонг. Языки колоколов обернуты тканью, чтобы звук их был мягким, отдаленным. В закрытой комнате играет музыкант-трубач, рядом с ним исполнитель конского топота ударяет о лоточек двумя деревянными копытцами с металлическими шипами. Зритель еле слышит эти звуки; но вот дверь постепенно приоткрывается, и затем закрывается — и топот становится сильнее, создается полное впечатление, будто вестовой горнит галлопом приближается, проносится мимо и удаляется. Тут же актер вертит ручку барабана с брускочками и дощечками — этот прибор создает полное

Тихо сириннула входная дверь.